

Женщина в кино и литературе

1.

До революции женщины, живущие в России, не имели избирательных прав и, само собой, не имели права быть избранными.

Не имела женщина и возможности работать в правительственных и общественных учреждениях. не могла вести научную и преподавательскую деятельность в России.

Женский труд был преимущественно неквалифицированным, оплачивался значительно ниже мужского.

Но замужняя женщина по царскому закону 2202 должна была сначала получить разрешение мужа, а уже потом наниматься на работу. В семье женщина была бесправна: до замужества она принадлежит отцу, после замужества - мужу.

Исследовательница Юлия Гусева пишет:

Женщины не имели паспорта, и таким образом приравнивались к несовершеннолетним детям, так как сведения о жене вписывались в паспорт мужа. Если жена могла уехать куда-то только с согласия мужа. Если она уезжала сама, по своей воле, то ее возвращали к мужу, если же сопротивлялась, то возвращали по этапу. Женщина, оставившая мужа, считалась преступницей. «При ... перемене постоянного жительства мужа жена должна следовать за ним», гласила ст. 103.

Дискриминационен был и закон о разводе. По закону о расторжении брака, действовавшему в царской России, развод был почти невозможен. Считалось поводом для развода прелюбодеяние мужа, но его было очень сложно доказать. Не считалось уважительной причиной для развода и избиение жены.

Только вдовы имели значительные права по сравнению с замужними женщинами. Они могли свободно распоряжаться своим имуществом и участвовать в политической жизни общества. До Октябрьской революции эти женщины - вдовы, могли участвовать в выборах в городскую думу. Весной 1917 г. в партии кадетов было 12, 5 % женщин, в партии большевиков – 10 %, эсеров – 5,5 %.

В дореволюционное время женщина была существом бесправным, у нее практически не было возможности самой строить свою жизнь, - ее свобода ограничивалась государством законодательно..

2.

Были, конечно, сферы, доступ в которые для женщин был открыт государством (медицина, образование, литература). В конце XVIII века всё более популярным становится образ светской женщины, интересующейся литературой и искусством. В это время появляются женщины-писатели, учёные, однако для них это является хобби, а не профессией. При Петре I впервые появляются женщины-профессионалы, которые в основном являются гувернантками и артистками, которые имели возможность получать неплохой заработок, а значит и пользоваться независимостью, в основном они происходили из более низкой социальной среды. В государственных театрах такие женщины работали на одинаковых правах и зарабатывали практически так же, как и мужчины-артисты. В этот период времени на сцену вышло множество знаменитых актрис и певиц, которые впоследствии стали жёнами богатых аристократов. Также видные реформы произошли в эпоху правления Екатерина Второй, которая поставила перед собой цель воспитания нового поколения знатных девушек и возрождения «святой нравственности» у них. Для этого создавались закрытые воспитательные заведения, куда девочку отдавали с раннего возраста, там они учили по несколько языков, арифметику, закон божий, литературу, искусство и прочее. Помимо этого, открывались специальные училища для девочек низшего сословия, которые получали также высокое качество образования и при поддержке государства имели возможность выйти замуж за представителей из знатных семей. В начале XIX века становится распространенным образ женщины, которой свойственной тонкий романтизм чувств и мыслей.

В 1812 году во время войны с Наполеоном создаётся первая в истории русская женская организация — «Женское патриотическое общество». Его целью была забота о нуждающихся, прежде всего о беспризорных детях. Сходной деятельностью занимались многие жёны декабристов которые в селениях Сибири создавали библиотеки, пункты медицинской помощи населению, организовывали лекции и концерты Однако в начале 1860-х годов происходит перелом в осознании общественностью женского вопроса¹

В 1862 году в Петербурге была образована первая женская трудовая ассоциация — «Общество женского труда». Вскоре подобные организации стали создаваться и в других крупных городах, таких, как Пермь, Киев,

Казань и другие: В это же время женщины стали собирать многочисленные петиции в предоставлении им прав на высшее образование^[31]. В течение следующих десятилетий для женщин организовывались специальные учебные курсы, а желающие окончить высшее образование уезжали за границу, однако в будущем такие женщины имели проблемы с трудоустройством. Для них было создано специальное «Общество вспоможения окончившим курс наук», имевшее цель трудоустроить таких женщин.

Наконец были открыты курсы для женщин, чья программа была приравнена к университету. Самыми известными стали Бестужевские, появившиеся в 1878 году, но их появлению предшествовал ряд образовательных «экспериментов»: Аларчинские, Лубянские, Владимирские, Московские высшие женские курсы.

Все они были закрыты или преобразованы впоследствии, Бестужевским курсам удалось уцелеть, так как активистки пригрозили массовым отъездом студенток в Цюрих.

В семидесятых годах появляются высшие женские курсы в Казани, Киеве и Томске. Количество слушательниц росло в геометрической прогрессии. Всего за всю историю курсов их окончили почти 7000 женщин.

Образование позволяло преподавать в гимназиях (а позже и в университетах), получать должности в библиотеках и заниматься профессиональной деятельностью. Но большинство бестужевок шли преподавать и работать в органах просвещения, так как на другие должности начальники-мужчины их брали неохотно.

Среди бестужевок было много первых в своем деле женщин: Е. В. Соломко (Сотириадис) — первая в России женщина-петрограф и палеонтолог, М. Н. Сирияцкая — теоретик в области практической педагогики, Ю. И. Андрусова (Фаусек) — первая в России женщина-зоолог беспозвоночных, В. Е. Богдановская (Попова) — одна из первых в России женщин-химиков. М. В. Жилова была первой женщиной-сотрудницей Пулковской обсерватории.

В 1872 году в Петербурге были открыты Высшие женские медицинские курсы. Учеба и здесь была очень тяжелой, физически до выпуска дожили не все: из 90 студенток первого набора 12 погибли, в основном от болезней.

Но несмотря на все трудности, уже в 1910 году в России насчитывалось 1500 женщин-врачей (10 % от общего количества), втрое больше, чем в Великобритании или Франции.

Все эти учебные заведения для женщин практически не финансировались государством. Львиная доля расходов оплачивалась пожертвованиями, которые собирали женщины-активистки

3.

Новая, более организованная и сильная волна женского движения началась в 1905 году во время первой революции в 1905 году, которая ставила перед собой новые цели, а именно: борьба за уравнивание прав женщин всех социальных слоёв наравне с мужчинами, предоставление им равных политических и гражданских прав во всех областях жизни, допущение во все области общественной и служебной деятельности, совместное обучение женщин и мужчин и отмена законов о проституции. Тогда же был образован «Союз равноправия женщин» (СРЖ), который в апреле 1905 года провёл первый в истории женский митинг в защиту женских политических прав.

В 1906—1907 годах СРЖ вёл активную пропаганду за женское равноправие, а вопрос о допуске женщин к процедуре выборов становился всё более актуальным. Этим вопросом активно занималась Женская прогрессивная партия.

В 1908 году в России прошёл Первый Всероссийский женский съезд, это стало одним из самых значимых достижений женского движения, в котором приняли участие более 1000 человек. На съезде был затронут вопрос об объединении женских организаций в единую общеженскую организацию, которая предала бы женскому движению организационную завершенность.

Вскоре за первым съездом последовали: Всероссийский съезд по борьбе с торгом женщинами (1910 год) и Первый съезд по образованию женщин (1913). Женщины, принимающие участия в съездах, стали называться «равноправками», благодаря их усилиям в 1911 году Дума приняла закон, позволяющий женщинам участвовать в земских волостных выборах.

К началу XX века на фоне женского гражданского движения были сформированы 2 женских течения — так называемые «буржуазные феминистки», которые ставили перед собой целью изменение существующих законов, "попирающих права женщин", и социал-демократки,

Женское движение традиционно делят на два крыла: собственно феминистское (или либеральное) и революционное (социалистическое). Само это деление искусственно и не всегда работает.

Феминистское крыло — это женщины, которые пытались бороться за права женщин или помогать женщинам низших сословий. Сами они себя феминистками не называли, в начале XX века появился термин «равноправки», отражавшие борьбу за избирательные права (аналог суфражизма). В целом для них был характерен либерально-реформаторский подход. На баррикады никто не стремился и в императора не стрелял.

Революционное крыло — женщины, вовлеченные в революционную борьбу. Вопрос, насколько их можно считать феминистками, остается открытым. Социалистическая мысль предполагала, что после революции все станут равны, женщины тоже, поэтому никаких специальных женских вопросов поднимать не стоит, а нужно всем бороться за общее дело. Несмотря на внушительный вклад революционерок в пропагандистскую и иную работу (то есть видимость женщин), они мало интересовались правами женщин.

Вторые встречали активную поддержку со стороны коммунистических организаций. В частности, в 1913 году большевикам впервые удалось организовать празднование Международного женского дня. Большевики и меньшевики стали издавать женские журналы. В то же время, идеологи революционного движения не поддерживали буржуазных феминисток и призывали остальных не поддерживать их.

В 1915 году женщины были допущены на должность почтальонов, стали действовать ясли и детские сады с женщинами-работницами, мастерские по пошиву белья для фронта, курсы сестёр милосердия, бесплатные столовые и приюты для беженок. В 1916 году было проведено совещание по вопросу о создании общероссийского Союза женщин, в который согласились войти большинство женских организаций, после чего было подано прошение на его регистрацию, однако был получен отказ.

4.

На фоне буржуазно-демократической революции и свержения существующей власти женские активистки начинают более активную борьбу за свои права. 19 марта 1917 года перед резиденцией Временного

правительства в Петербурге состоялся 40-тысячный митинг, на который пришли в основном женщины, на демонстрации женщины требовали своего участия во всеобщем избирательном праве. Демонстрация закончилась, когда председатель Совета министров Временного правительства Г. Е. Львов заверил, что в избирательном праве будут участвовать мужчины и женщины¹. Позже на выборах в Учредительное собрание появилась запись о всеобщем избирательном праве «без различия пола». После победы в выборах большевиков все иные организации, в том числе и женские, были объявлены вне закона. Таким образом, эпохе женского гражданского движения был положен конец.

5.

Первые годы Советской власти характеризуются огромными изменениями в сфере семейной политики. Первый этап семейной политики Советской России проходил во время сексуальной революции и характеризуется в первую очередь максимальной свободой, попытками если не упразднить семью, то свести ее значение до минимума.

Большевики заявляли, что одной из наиболее приоритетных задач в построении коммунистического общества является абсолютное уравнивание всех слоёв населения в их правах. Постановленный декрет в 1917 году постановил, что ныне женщины и мужчины были абсолютно равны перед законом.

Первым шагом избавления от прогнившей семьи стал «Декрет о расторжении брака» от 19 декабря 1917 г. (СУ № 10. Ст. 152). Процедура развода была максимально упрощена, для расторжения брака достаточно стало желания одного из супругов расторгнуть брак. Значение этого декрета очевидно. Он раскрепостил не только женщину, но и мужчину.

В 1917 году был также принят Декрет «О восьмичасовом рабочем дне», в котором устанавливались ограничения применения труда женщин на сверхурочных, ночных работах.

После революции и принятия конституции РСФСР 1918 года женщины официально получили весьма широкие права. Например, закон о

гражданском браке позволял женщине сохранять девичью фамилию. Декларировалось право на аборт, а мужчина, женившийся на женщине с детьми, должен был принять на них обязанность отцовства. Был максимально упрощён процесс развода, который мог осуществиться при послании почтовой открытки ЗагСу одним из супругов. Обязанность каждой женщины работать и ликвидация частной собственности сильно пошатнула традиционные семейные устои.

Женщина и мужчина имеют в СССР равные права. Осуществление этих прав обеспечивается предоставлением женщинам равных с мужчинами возможностей в получении образования и профессиональной подготовки, в труде, в вознаграждении за него и продвижении по работе, в общественно-политической и культурной деятельности, а также специальными мерами по охране труда и здоровья женщин, созданием условий, позволяющих женщинам сочетать труд с материнством; правовой защитой, материальной и моральной поддержкой материнства и детства, включая предоставление оплачиваемых отпусков и других льгот беременным женщинам и матерям, постепенное сокращение рабочего времени женщин, имеющих малолетних детей

— *Конституция Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977.*

9.

Согласно индексу ООН от 2013 года Россия относится к странам с высоким уровнем человеческого развития и занимает 55-е место из 187 стран по половому неравенству. Конституция РФ закрепляет равные права женщин и мужчин на юридических и политических правах, право на собственность и неприкосновенность личной жизни. Однако на женщин распространяется так называемая Охрана труда женщин, которая распространяет ограничения и привилегии для беременных женщин и женщин с маленькими детьми, а также устанавливает запрещённые для женщин профессии, которые могут навредить их здоровью и материнской детородной функции, а именно профессии, связанные с подъёмом тяжёлых грузов, вредными условиями труда, подземными работами и т. д. Сегодня существует 456 профессий, запрещённых для женского труда

Статья 19 Конституции Российской Федерации 1993 года гарантирует равные права женщинам и мужчинам. В соответствии с Трудовым кодексом РФ (ст. 254-256) женщины имеют право на оплачиваемый отпуск по беременности и родам, на оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком, а также на неоплачиваемый отпуск по уходу за ребёнком до достижения ребёнком 3 лет.

Также женщины в РФ имеют право на получение материнского капитала при рождении или усыновлении двух и более детей.

По данным исследования Grand Thornton, Россия занимает одно из лидирующих мест по половому равенству в рабочей сфере, в частности, 2 из 5 каждых руководящих всех российских компаний являются женщинами, которые реализуют себя особенно успешно в сфере высоких технологий, розничной торговли, СМИ, производства, транспорта и коммуникаций. Достаточно много женщин присутствует и в политике.

6.

Группа активисток в 1979 году создала альманах «Женщина и Россия», который ставил перед собой цель «развенчать миф о беспроblemности женской судьбы в СССР», но был арестован. В 1982 году стал выпускаться постоянный журнал, который стремился обратить внимание на «ныне попираемые женские ценности в обществе» и критиковал мужчин с их «жаждой лидерства со всеми её пороками». Последователи движения были сторонниками ненасилия и созидания, демократии и свободы выбора. Своеобразным женским движением выступало православное сообщество, активистки которого называли своим идеалом Богородицу.

Общая либерализация советского режима в 80-е годы привела к образованию новой волны активисток за женские права, или же феминисток, как они себя называли, которые образовывали разные женские организации. Их основной целью было доказать, что «опыт решения женского вопроса в СССР» всё ещё не был достигнут или вовсе являлся новой формой поправки женщин. Наиболее радикально настроенные феминистки и противники советского режима и вовсе отрицали существование какой-либо эмансипации женщины за весь период советской истории.

7.

Женщины в литературе

В это же время, в 90-е годы в России возникает группа женщин-писателей "Новые амазонки".

В годы перестройки, когда общество менялось и менялось радикально, важную роль начинает играть женщина - до этого бывшая существом, находящимся на периферии общества, а в данном контексте, и в литературе.

Осмелюсь утверждать, что группа "Новые амазонки" - это первая группа в России за всю ее долгую историю женщин-писателей, осознавших, что они являются именно женщинами-писателями и что они творят именно женскую литературу.

В манифестах группы к сборникам "Не помнящая зла" и "Новые амазонки", которые группа выпустила в 1990 и 1991 годах, говорится: "Женская проза? А что это такое? На какого читателя рассчитана? Стоит ли вообще делить художественное творчество на мужское — женское, не лучше ли следовать привычной шкале оценок плохо — хорошо? Отвечая на вопросы скептиков, в том числе и противоположного пола, мы говорим вполне утвердительно: женская проза есть. Она существует не как прихоть эмансипированного сознания, во что бы то ни стало пытающегося возвести самое себя в категорический императив. Она существует как неизбежность, продиктованная временем и пространством".

В тех же манифестах прослежен и генезис женской прозы: "... амазонка так и не вышла из гоголевской шинели. Вот все вышли, а она нет". "Эта проза захватывает обширные географические территории, различные социально-бытовые и жанровые сферы: от Жорж Санд до Маргерит Юрсенар и Вирджинии Вульф, от Натали Саррот до Агаты Кристи. Мы не говорим уже о славной отечественной традиции — от графини Ростопчиной до Татьяны Толстой, между именами которых по праву занимают свое место и Авдотья Панаева, и Зинаида Гippiус, и Ольга Форш, и Вера Панова, и Ия Грекова, и Людмила Петрушевская".

И далее в манифесте дается объяснение: что же это такое — женская проза: "Женская проза есть — поскольку есть мир женщины, отличный от мира мужчины. Мы вовсе не намерены отрещиваться от своего пола, а тем более извиняться за его "слабости". Делать это так же глупо и безнадежно, как отказываться от наследственности, исторической почвы и судьбы. Свое достоинство надо сохранять, хотя бы и через принадлежность к определенному полу (а может быть, прежде всего именно через нее)".

Как мы видим, в этих манифестах "новых амазонок" вполне сознательно и определенно выражены идеи радикального феминизма (см. концепцию Адриенны Райх о женской "инакости", уникальности женского мира и женской культуры, противопоставленной установкам классического мужского сознания, в ее статье "О рождении женщины: материнство как опыт и интуиция" (1976)).

В 1988 году набирала темп "перестройка", журналы выходили миллионными тиражами, открывая читателям запрещенную литературу, произведения Солженицына, Шаламова, Войновича, Андрея Платонова, прорвались на страницы журналов представители "другой" неофициальной литературы, альтернативной соцреализму: Венедикт Ерофеев, Виктор Ерофеев, Евгений Попов, Вячеслав Пьецух. Но как и раньше, в глухое осеннее время застоя, так и теперь, в весеннее время перемен, никто и

слыхом не слыхал о таком понятии, как феминизм. Как я сейчас понимаю, идеи феминизма держали от нас за семью запорами, боясь их больше, чем идей антикоммунизма, так как они потрясли не только социальные основы, а основы основ мироустройства нашей патриархальной страны. Феминизм был понятием ругательным, им обозначались какие-то уродливые, противоестественные явления западной жизни, о которых можно говорить только шепотом. Слово "феминистка" звучало как оскорбление.

Тем более интересно понять, как же появилась в столь антифеминистски настроенном обществе группа с такими радикальными феминистскими идеями?

Началось все вот как.

В один из дождливых майских дней 1988 года в Центральном Доме Литераторов на первой конференции, посвященной экологии, я встретила прозаика Ларису Ванееву. После московского совещания молодых писателей мы не виделись с ней пять лет. Тогда, пять лет назад, она поразила всех своей сияющей гордой красотой, длинной русской косой до пят и своей блестящей резкой прозой. Сейчас же она сидела где-то сбоку, стесняясь и как будто чего-то боясь, поникшая, без косы, бедно одетая. Я испуганно смотрела на нее и тот же испуг я прочла в ее глазах — я была ее зеркальным отражением: тот же поникший ободранный вид, тот же потухший взгляд. "Что с тобой случилось?" — спросили мы друг друга одновременно.

Так что же с нами случилось? Что же случилось со мной?

Пять лет назад я закончила Литературный институт, закончила с отличием, мой институтский рассказ "За сайгаками" был напечатан в "Литературной учебе" и сразу принес мне известность и даже славу в литературных кругах, критики назвали его лучшим рассказом года — казалось, литературная и профессиональная будущность мне обеспечена. Но после института я столкнулась с довольно стойким и мощным сопротивлением. Меня не брали на работу в редакции журналов; главные редакторы, в основном мужчины, оглядывали, говорили: "Вы молодая женщина. Вдруг уйдете в декрет? Мы вас понимаем, но поймите и нас!" Я понимала и уходила все дальше и дальше, все ниже и ниже. В результате с отличным дипломом, который давал мне право поступить в аспирантуру, но куда меня не взяли из тех же соображений, что я молодая женщина и могу вдруг родить, я оказалась на самом низу социальной лестницы: я устроилась на такую экстравагантную работу, как заливать зимой катки во дворах для детей. В страшные морозы я стояла со шлангом в руках, из которого била струя и сочиняла очередной рассказ. Но это не главное. Мы были фанатиками литературы, фанатиками прозы, для многих из нашего поколения писательский труд — свят, он похож на почти религиозное служение Слову. И поэтому работать можно было где угодно и кем угодно, лишь бы было время и небольшие средства для писательства, для служения. Но тут меня поджидали неожиданности. Редакции, куда я относил свои

рассказы, мне стали отказывать. Редакторы-мужчины говорили мне: "Это бабья проза! Пойми, мы не можем печатать все эти ваши бабьи вопли-сопли!" Или: "Ты пишешь о женщинах. Но ваши чисто женские проблемы никому не интересны". Иногда просто нарывалась на грубости: "Ты пишешь, как будто вечно беременная!" Или: "Нас не интересует женская психопатология".

Это было похоже на травлю. От этого можно было впасть в уныние и сойти с ума. Потому что все эти слова говорили мне не чужие люди, а мои же бывшие однокурсники, с которыми мы только что учились в Литинституте на одном семинаре прозы, и они писали похуже, были троечниками, и всегда очень высоко отзывались на этих же семинарах о моей прозе, но, получив властное место в редакции, говорили уже не свои слова, а слова общепринятые: "Женщина не может написать полноценную художественную вещь. Это доказала мировая история литературы. Все имена женщин, оставшихся в истории литературы, — исключения. Исключения и Цветаева, и Ахматова".

Уже началась перестройка, а наши мужчины продолжали вести эту политику дискриминации. Уже напечатали Татьяну Толстую и Людмилу Петрушевскую, прорвавшихся на страницы благодаря не только своему таланту, но и своему бурному темпераменту, но это были именно те исключения, подтверждающие правило, — по словам тех же редакторов-мужчин, которые в это время даже сплотились в нежелании пропустить на страницы еще кого-нибудь из женщин.

Я впала в отчаяние. Если раньше, до перестройки, меня не печатали по соображениям цензуры (и это казалось временным), то сейчас не печатали, потому что я женщина (и это навечно). И свою прозу я не могу переделать в мужскую, не хочу. Значит, нужно покончить с писательством? Я даже поступила тогда на курсы сценаристов и режиссеров, чтобы уйти из прозы.

... Вот в такой момент я встретила Ларису Ванееву. Оказалось, что все мои проблемы (а я считала, что только я пишу такую прозу, которую называют бабьей) были и ее проблемами. Так же, как и я, она не могла найти работу по специальности после Литературного института и работала сторожем на стройке. Ее прочитав ее прозу, один редактор заверил ее, что она не будет напечатана, пока он жив.

Мы грустно вспоминали талантливых литинститутских девочек (в Литературном институте, где готовили будущих поэтов, прозаиков, критиков, переводчиков всегда, даже в годы застоя, царил дух настоящего, дух правды, дух прекрасного, дух высокой литературы, здесь не было группировок, писатели делились не на правых и левых или мужчин и женщин, а по принципу — талантливые и бездарные): Галя Володина, ученица Юрия Трифонова, работает дворником, не печатается, Нина Садур, прекрасный драматург и прозаик, работает уборщицей в театре, ее не печатают, Ирина Полянская судится с редактором, который не публикует ее

книгу, стоящую в плане издательства, где-то бродит ненапечатанная Валерия Нарбикова, хотя все ее друзья по андерграундной тусовке напечатаны, и не раз — потому как мужчины, где-то в Перми голодает Нина Горланова с четырьмя детьми, хотя в столе у нее лежит несколько романов, которые издательства не хотят печатать, сторожем работает Елена Тарасова, чья повесть "Не помнящая зла", тоже нигде не напечатанная и написанная еще до Литинститута, сделала ей громкое имя...

Перебирая имена тех писательниц, с кем учились, вспоминая их талантливые, нигде не опубликованные тексты, мы вдруг осознали, что стали жертвами мужского шовинизма, что идет война, что наши жизни, наши судьбы, наша проза — дело всей нашей жизни, растоптаны мужским безжалостным (как на войне, тут не жалели никого, даже самых талантливых) сапогом. Только такие же воинственные и в чем-то мужские по характеру Толстая и Петрушевская выжили в этой войне благодаря тому, что приняли правила этой мужской игры-войны и перешли на их поле.

Осознав, что дальнейшее наше выживание как писателей зависит только от нас, от наших совместных усилий, что в одиночку нам не пробить стену мужских предрассудков и прямого мужского противостояния, мы тогда же, в тот же вечер решили начать действовать: мы решили собрать неопубликованные талантливые рукописи еще никому не известных женщин-писателей и попробовать издать их в сборнике новой женской прозы.

Мы решили бороться, а не ждать, пока погибнем поодиночке. Лариса Ванеева произнесла тогда историческую фразу: "Я заметила, что если женщины начинают работать вместе, то их силы растут не в арифметической, а в геометрической прогрессии". И это было действительно так.

Работа, как говорится, закипела. Мы читали огромное количество рукописей, которые нам приносили истосковавшиеся по публикациям женщины-писатели. В один из дней недели мы с Ларисой занимали столик в литературном кафе "Пестрый зал" Дома Литераторов, садились, и к нам в этот день подходили и подходили женщины со своими рукописями.

Зрелище для остальной (в основном мужской) части публики было угрожающим. Стереотип поведения в таком поэтическом кафе был другой: обычно одна-две поэтессы, кокетничая, сидели в окружении мужчин-писателей, слушая их излияния. Сначала и к нам пытались подходить, как к обыкновенным женщинам, пришедшим в кафе пофлиртовать, пытались превратить нашу непонятную женскую компанию, занятую делом, в компанию приятных дам для развлечений, но встречая раз за разом вежливый, но твердый отказ, — присмирели. Это была наша первая маленькая, наивная, кое в чем даже смешная, но важная победа в борьбе за независимость.

Довольно быстро все женщины — будущие авторы сборника — перезнакомились, а потом и подружились: ведь все мы были, как я уже

говорила, родом из Литинститута. Может быть, поэтому не было зависти и соперничества, а наоборот, царил дух товарищества и взаимопомощи: ведь мы были монахинями одного ордена, который назывался — Русская литература.

Постепенно вырабатывалась концепция сборника.

Этим сборником мы хотели заявить о себе как о принципиально новой группе писателей — женщин-писателей, группе молодых, тридцатилетних, образованных, самостоятельно мыслящих, независимых женщин-писателей, пишущих новую женскую прозу.

Этим сборником мы хотели доказать, что пишущая женщина в наше время — не исключение из правил, а потребность времени — само время нуждается в пишущей и творящей женщине: доказательство — это то, что нас так много, что мы идем группой, не поодиночке. Ни одно время не рождало сразу столько женщин-художников, значит, оно в нас нуждается.

Мы хотели доказать мужчинам-писателям, мужчинам-редакторам и просто мужчинам, что мы есть и что мы пишем ничуть не хуже, а может быть, даже в чем-то и лучше, чем пишущие мужчины.

Этим сборником мы должны были доказать, что женская проза так же разнообразна и так же талантлива, как и мужская. Поэтому отбор произведений был чрезвычайно суров и придирчив: в сборник должны были войти произведения всех существующих ныне направлений: авангарда, постмодернизма, нового реализма, модернизма, нового сентиментализма и др.

Этим сборником мы должны были доказать, что женская проза — явление уникальное, непохожее ни на что. Мы это называли так: "Великая немая заговорила". Под Великой немой мы подразумевали женщину, молчащую тысячелетия. Уникальный мир женщины, мир ее чувств, ощущений, ее мирозерцание, ее объяснение мироустройства, вылившиеся на бумагу, уже само рождало новое направление — направление направлений, называвшееся просто и емко — женская литература.

Тут надо сказать, что мы не знали тогда, что такое феминизм, мы не знали тогда, что в мире существует огромное женское движение, мы не знали, что в мире уже есть такое понятие, как женская литература. Мы изобретали велосипед, думая, что мы изобретаем его первые. Мы все делали с энтузиазмом первооткрывателей. И поэтому, если бы в мире не было бы ни женского движения, ни феминизма, ни женской литературы, их все равно создали бы, создали бы мы в России.

После выхода первого сборника "Не помнящая зла" мы были очень удивлены, когда на нас обрушился целый шквал предложений и приглашений от зарубежных женских издательств, женских обществ, когда новой русской женской прозой заинтересовались слависты западных университетов, и мы узнали, что, оказывается, в мире все уже есть, все то, за

что мы с таким надрывом боролись, до чего после стольких мучительных лет сомнений и слез мы дошли своим умом: есть женское движение, есть феминизм, есть женская литература, которая так и называет себя, как и мы ее назвали — женская...

Но я забежала вперед. Тогда мы ничего этого не знали и действовали наощупь, интуитивно. Долго выбирали название сборника. Назвали по названию повести Елены Тарасовой — "Не помнящая зла". А группу назвали — "Новые амазонки". С одной стороны, мы, как истинные женщины, не помнили зла никому: ни времени, ни мужчинам, которые продержали нас, как красных девиц, взаперти, вдали от читателей добрый десяток лет. С другой же — осознав мужское коварство, мы собирались бороться за свои женские и литературные права и взяли такое понятное всем и воинственное название — "Новые амазонки".

Долго искали издательство (тогда они все еще были государственными), которое бы издало сборник. Пока искали и тыкались в разные издательства, у нас позаимствовали идею — вышли сборники женской прозы "Женская логика" и "Чистенькая жизнь" (изд. "Современник" и "Молодая гвардия"). Но увели неумело, бессмысленно: просто собрали под одной обложкой произведения женщин и — не понимая зачем это сделали, противореча себе в том, что сделали, — в предисловии написали: "На каком-то "ниже среднего" уровне, конечно, происходит разделение "женской" и "мужской" прозы" ("Чистенькая жизнь").

Мы же искали такого издателя, который стал бы нашим союзником. Мы искали женщину-издателя. И нашли — в издательстве "Московский рабочий". В то время это было самое смелое, самое "перестроечное" издательство. Оно к тому времени издало книги писателей — представителей андерграунда: Евгения Попова, Виктора Ерофеева, Вячеслава Пьецуха и других. Вот это смелое издательство и взялось издавать нашу смелую книгу. Нашлись и смелые женщины — зав. редакцией Сурова и редактор Наталья Рыльникова, которые прониклись нашей идеей — сделать книгу, не похожую ни на какую другую, и стали нашими союзницами. С ними мы выпустили и второй сборник "Новые амазонки", в который вошли не только проза, но и стихи женщин, а также пьеса Нины Садур.

В первый сборник "Не помнящая зла" вошли произведения Ларисы Ванеевой, Валерии Нарбиковой, Нины Садур, Нины Горлановой, Ирины Полянской, Светланы Василенко, Светланы Васильевой, Елены Тарасовой, Натальи Корневской и Галины Володиной.

Во второй сборник "Новые амазонки" вошли произведения как выше названных писательниц, так и других, известных и неизвестных писательниц и поэтесс: Татьяны Толстой, Марины Палей, Татьяны Набатниковой, Марины Вишневецкой, Нины Искренко, Эвелины Ракитской, Людмилы Абаевой, Ирины Гривниной, Татьяны Морозовой (которая к тому же и оформляла книгу как художник).

Группа же "новых амазонок" (не путать со сборником), которая и вырабатывала концепцию женской литературы и новой женской прозы в частности, состояла из нескольких человек: прозаиков Ларисы Ванеевой, Светланы Василенко, Валерии Нарбиковой, Ирины Полянской, Светланы Васильевой, Нины Горлановой, Елены Тарасовой, прозаика и драматурга Нины Садур и поэтессы Нины Искренко.

Мы были очень разные. Читатели и поклонники прозы одной из нас терпеть не могли прозу другой.

Проза Валерии Нарбиковой (которая дебютировала в журнале "Юность" романом "Равновесие света дневных и ночных звезд", а в сборниках представлена романами "Ад как Да и ад как да" и "Около эколо") — это, несомненно, проза авангарда. Родословную свою она ведет не только и не столько от модернистов Джойса и Генри Миллера (хотя их творчество и было первотолчком для ее прозы), а от великого авангардиста начала века Велимира Хлебникова. Природа их дара одна — словотворчество. И в то же время авангардизм Нарбиковой чрезвычайно женственен, капризен, прихотлив. Нарбикова напоминает мне непоседливую девочку, которая неустанно готова ломать слова, откручивать им головы, руки и ноги, как у куклы, и прикручивать другие, заглядывать, что там у них внутри. И в то же время она похожа также на Марию Кюри, женщину-ученого, расщепляющего атом слова, добываясь от слова — той, почти ядерной, сверхэнергии. Нарбикова ищет смысл не во фразе, а в слове, в атоме слова. И слово взрывается у нее в руках...

Проза Ларисы Ванеевой (в сборниках она представлена повестью "Между Сатурном и Ураном" и романом "Антигрех") — это проза модернистки. Ее фраза, полная таинственного мерцающего смысла, то бродит по лабиринтам женского подсознания, то улетает, но опять же по лабиринтам, теперь небесным, в метафизическую высь. Загадочная проза, проза Прекрасной Дамы, которой как символу новой веры грядущего века поклонялись и ожидали ее прихода наши первые феминисты — русские символисты начала века Владимир Соловьев, Александр Блок, Андрей Белый. Прекрасная Дама в лице Ванеевой пришла и говорит...

Проза и драматургия Нины Садур (цикл рассказов "Проникшие" и пьеса "Красный парадиз") основаны на фольклоре. Но это не тот собранный в научных экспедициях фольклор, не разученный в ансамблях самодеятельности, а фольклор (суеверия, видения, заговоры, причитания, распевы, сказания) самого женского естества, его нутряной силы и интуиции, самой земли, прапамяти, праматери Природы и Человека, когда расступаются скалы и из них хлещет человеческая кровь, как в пьесе "Красный парадиз".

Елена Тарасова — представительница неонатурализма (повести "Не помнящая зла" и "Ты хорошо научился есть, Адам"). Разлагающаяся, мерзкая, смердящая плоть героини ее повести "Не помнящая зла", описанная с грандиозным натуралистическим мастерством, может служить метафорой

разлагающегося древнего мифа о женщине как оместилище пороков, сосуде дьявола, мифа, преследующего женщину на протяжении многих веков, но она не помнит зла...

Ирина Полянская (рассказы "Площадь", "Сельва", "Жизнь дерева" и повесть "Чистая зона") в своем творчестве напоминает нам о старом добром сентиментализме. То, что сентиментальность — черта чисто женская, мы знаем, но то, что даже родившись в закрытой зоне, где ставятся генетические опыты над живыми, моделируя условия послеподерной катастрофы, можно остаться доброй, прекрасной, возвышенной, сентиментальной, — это мы узнали только от Ирины Полянской, и это назовем новым русским сентиментализмом.

Совсем по-другому реагирует на приближающуюся катастрофу, на конец света мать четверых детей, пермячка Нина Горланова ("Покаянные дни, или в ожидании конца света"). Как положено матери, ее героиня, в которой угадывается сама Нина Горланова, чего она и не скрывает, с утра до вечера занимается тем, что ищет, чем накормить детей. Поиски эти описаны документально, во всех подробностях, это почти дневниковые записи. И только грозно в эти будни, как хор в древнегреческих трагедиях, врываются сообщения (тоже документальные) из местной газеты: скоро прорвет плотину и город затопит. До катастрофы осталось месяц, неделя, три дня, день, несколько часов... Нине Горлановой удалось совместить несовместимое: документальное повествование со всеми подробностями постсоветского нищенского быта неожиданно перерастает в трагедию, в ожидание конца света...

Конец света — это, по-видимому, любимая тема русских писательниц. Трагедия — любимый жанр. Почему? Расскажу о себе.

Я родилась на Волге в секретном ракетном городе, окруженном колючей проволокой. Отец мой был военным и он мог быть именно тем человеком, который во время Карибского кризиса в 1962 году, во время противостояния Хрущева и Кеннеди, чуть было не приведшего к ядерной войне, нажал бы на кнопку и мир был бы уничтожен. Много позже я спросила его, что они делали, о чем думали, сидя там, в бункере, перед этими кнопками, перед концом света? Он подумал немного и сказал: "Мы играли в преферанс". Я ожидала чего-то невероятного, какого-то откровения ожидала я от человека, который мог уничтожить мир. Оказалось так буднично. Потом я поняла, что да, именно так и должно было быть: перед тем как пустить пулю миру в лоб — играют — как у Куприна — в преферанс. Так и должно было быть — это логика развития мужского агрессивного военного сознания (где нет разницы между советским и американским) до полного уничтожения.

Женщины же в это время спасали нас, детей, уведя далеко в степь, подальше от городка, по которому и был бы нанесен первый ракетный удар.

Только одна воспитательница с восторгом кликушествовала, говорила нам, детям: "Вам выпало огромное счастье, дети, вы ядерные заложники. Мы

погибнем от первого ракетного удара, но мы будем первые и единственные жертвы с нашей стороны. Дальше наши ракеты уничтожат в считанные минуты Америку и мы, хоть уже и мертвые, станем героями".

В темноте, так как нельзя было разжечь костер и дать наводку врагу, мы шуршали фантиками из-под шоколадных конфет и ели, давясь, шоколад и мандарины, приготовленные для новогодних подарков, которые нам раздали в целлофановых мешочках, — вместо сухого пайка. Всю ночь мы просидели в степи в ожидании смерти. Я запомнила вкус ожидания смерти — сладкий, приторный, шоколадный, его запах — едких мандариновых корок и полыни, на слух оно было детским шептанием, шуршанием, шевелением, на вид — звездным небом, полным круглых ярких звездочек, увеличенных слезами, через которые мы на него смотрели... Было так страшно.

Я подробно остановилась на этой сцене моего детства, так как считаю, что истоки моего феминизма находятся именно здесь. В ту ночь я всей собою поняла и запомнила: "Мужчины (даже мой любимый папа) уничтожают мир, женщины его спасают".

Вот и вся наша группа "новых амазонок" старалась спасти этот мир словом. Что-то у нас получилось. После выхода сборников женскую прозу признали. Женщины могут печататься в России свободно, им никто не скажет, что женщина-писатель — это исключение.

О том, что в литературе начинается время женщин, заговорили еще в последние десятилетия прошлого, XX века. Именно тогда во всех странах, на Западе и на Востоке, стали появляться новые книги, возникать новые имена. Писательницы всех континентов начали одна за другой получать самые престижные международные и национальные премии, а также занимать лидирующие позиции в издательских и читательских рейтингах, в самых разных жанрах. «Новая волна» и новые имена вызвали жаркие дискуссии, в которые, помимо литературоведов, включились философы, социологи, психологи... Молодые русские писательницы, участницы первых сборников «новой женской прозы» на рубеже 1980—1990 годов — «Не помнящая зла», «Новые амазонки», «Женская логика» — практически ничего о заграничных спорах не знали. Но их поиск и стремление расширить границы творческого познания развивался в том же направлении. И это лишний раз подтвердило всеобщность закономерностей движения литературного процесса, а также верность давнего тезиса Лидии Гинзбург о неизбежном «расширении литературы», которая вбирает в себя все новые голоса и формы. Сегодня о женском творчестве написаны тома, проходят серьезные академические дискуссии, создаются университетские курсы, в том числе и в России.

А женщины продолжают раздвигать границы привычных представлений о мире, привносят в разговор о вечном и сиюминутном все новые краски, нюансы, детали.

Сборников женской прозы за последние тридцать лет в России вышло несколько десятков, самых разных. Премия имени Анны Ахматовой, учрежденная Союзом российских писателей в 2012 году совместно с Союзом журналистов России, стала важным событием в культурной жизни страны.

Когда Союз российских писателей выпустил двухтомник «Я научила женщин говорить...», стало ясно, что голоса женщин — не куртуазная виньетка, но неотъемлемая составляющая современной отечественной литературы, без них современный ландшафт не полон, что в нашей огромной и разной стране писательницы разных поколений проторяют дорогу новому знанию и пониманию мира, уверенно чувствуя себя в многообразии форм, отмечая важнейшие приметы быстроменяющейся жизни, быта и бытия... Примечательно, что в сборнике приняли участие не только авторы разных поколений, но также пишущие матери и дочери: Нина Веселова и Анастасия Астафьева, Татьяна и Аглая Набатниковы, Светлана Мосова и Арина Обух, Валентина Кизило и Елизавета Разинкина... Как говорится, привет светлой памяти великих британских писательниц Мэри Уолстонкрафт (матери) и Мэри Шелли (дочери), основоположниц «женской линии» британской литературы... Двухтомник дал живой импульс многим писательницам в самых разных городах и регионах страны.

Новый проект СРП – сборник женской прозы «Дочки-матери» — в значительной мере — его продолжение. Но не только. Наметившаяся коллизия «матери — дочери», восходящая к знаменитым британкам, выходит далеко за пределы чисто биографических рамок, побуждает внимательнее присмотреться к трансформации женского опыта и его интерпретации в целом, увидеть ускользающие приметы эпох и традиций, знаки нового осмысления материнства и родства, воспитания чувств и преодоления несовершенства и стремления к идеалу в стремительно меняющемся мире. Матери воспитывают дочерей, но и дочери — в свою очередь — по-своему — воспитывают старших. Непростые, подчас драматические отношения женщин разных поколений, связанных узами родства, — не познанный пока еще материк, очертания которого только намечены. История страны пронизывает их судьбы, как незримые меридианы и параллели. Присмотримся к новым точкам на карте.

8. Женщины в кино.

Так исторически сложилось, что среди великих и выдающихся кинорежиссеров процент женщин относительно небольшой. Хорошо это или плохо — тема для отдельного разговора. В разных странах разная ситуация, но Советский Союз — тот случай, когда женщины-режиссеры сыграли значительную роль в истории советского кинематографа, и имен действительно выдающихся можно насчитать более десятка. Достаточно вспомнить Татьяну Лиознову и ее культовый телесериал "17 мгновений

весны". Вспомним самых выдающихся женщин-режиссеров и сценаристок советского и российского игрового кино.

Татьяна Лиознова (1924-2011)

Самый главный *классик* советского кино среди женщин-режиссеров. В ее фильмографии много хитов, шедевров самого высокого уровня. Один сериал "17 мгновений весны" чего стоит...

Главные фильмы: "Три тополя на Плющихе" (1968), "17 мгновений весны" (1973), "Мы, нижеподписавшиеся" (1980), "Карнавал" (1981).

Кира Муратова (1934-2018)

Представительница советского авторского кино, ее фильмы опередили свое время и не всегда имели легкий путь к зрителю. Большинство фильмов снята на Одесской киностудии. Входит в число самых влиятельны женщин-режиссеров мирового кино.

Главные фильмы (советский период): "Короткие встречи" (1967), "Долгие проводы" (1971), "Астенический синдром" (1989).

Лариса Шепитько (1938-1979)

Если бы не внезапная гибель в автокатастрофе, Лариса Шепитько стала бы выдающимся режиссером, как минимум, европейского уровня. К 40 годам она успела снять 4 полнометражных игровых фильма, три из них считаются шедеврами и высоко ценятся не только у нас, но и среди зарубежных кинолюбителей.

Главные фильмы: "Крылья" (1966), "Ты и я" (1971), "Восхождение" (1976).

Динара Асанова (1942-1985)

Особое место в ее творчестве занимают проблемные фильмы о детях и подростках, поднимающие сложные и деликатные проблемы из жизни молодежи. Динара Асанова - режиссер-психолог, умевшая проникать в человеческую душу, благодаря чему ее фильмы получались пронзительно искренними и эмоциональными.

Главные фильмы: "Не болит голова у дятла" (1974), "Ключ без права передачи" (1976), "Беда" (1977), "Пацаны" (1983).

Наталья Рязанцева, сценаристка - родилась в 1939 г., всегда казалась одной из самых загадочных и сдержанных персон в советском

кинematографe. Это величайший сценарист современности, из-под пера которой родились сценарии к таким кинолентам, как «Крылья» (реж. Лариса Шепитько), «Долгие проводы» (реж. Кира Муратова), «Чужие письма», «Голос» (реж. Илья Авербах). Одной из последних ее работ стал сценарий к ленте «Огни притона», которая вышла на экран в 2011 году. Несмотря на огромный талант писателя и сценариста, Наталья Рязанцева всегда привлекала внимание широкой аудитории своей личной жизнью. Эта женщина имела два официальных брака, оба раза ее избранниками становились культовые российские режиссеры – первым ее супругом был Г. Шпаликов, а вторым стал И. Авербах. Также долгие годы она была верной спутницей и собеседницей одного из величайших философов - Мераба Мамардашвили.

Надежда Кожушанная, сценаристка

В 1987 году появилось «Зеркало для героя». Фильм о конфликте поколений и уважении к отцам принес даже не уважение, а скорее некоторую стабильность. О Кожушанной стали говорить: «Это Надежда Кожушанная. Она – кинодраматург». Но Надежда оставалась ребенком, складывающим кубики слов, заставляя смотрящих на эту игру взрослых умиляться. После «Зеркала для героя» появилась знаковая лента «Муж и дочь Тамары Александровны», а после, в 1991-м - «Нога» и «Прорва». Погружение в афганский синдром, стыдливо замятую войну, которого не выдержал режиссер фильма Никита Тягунов, покончив с собой. Потом была написана сентиментальная и ветренная «Прорва» для Ивана Дыховичного - история неожиданной любви весьма неоднозначной женщины и молчаливого грузчика, история настоящего писателя внутри политической машины, история людей...

Наталья Андрейченко режиссер. Фильм Шамара по сценарию Светланы Василенко. Родилась 10 июня 1966 году. В 1991 году окончила режиссёрское отделение КГИТИ имени И. К. Карпенко-Карого (мастерская В. Б. Кисина. Член Экспертной комиссии по вопросам кинематографии Государственного агентства Украины по вопросам кино. Член НКСУ. Фильмография: 1989 — Фокстрот, 1990 — Воскресная побег, 1991 — Ночь о любви, 1994 — Шамара.

Награды: Государственная премия Украины имени Александра Довженко
(1996) — за весомый вклад в развитие отечественного киноискусства.